

Ожидание / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Ожидание / рассказ ОЖИДАНИЕ

Мужчины после обеда беседовали в курительной комнате. Разговор зашел о неожиданных наследствах, о необычных завещаниях. Г-н Ле Брюман, которого называли то знаменитым мэтром, то знаменитым адвокатом, облокотился на камин и взял слово.

– В настоящее время, – сказал он, – мне поручено разыскать наследника, исчезнувшего при исключительно тяжелых обстоятельствах. Это одна из простых и жестоких драм повседневности, один из тех случаев, которые могут произойти каждый день, а между тем я не знаю ничего ужаснее. Вот послушайте.

С полгода тому назад меня пригласили к умирающей. Она мне сказала:

– Сударь, я хочу поручить вам самое щепетильное, трудное и затяжное дело, какое только может быть. Ознакомьтесь, пожалуйста, с моим завещанием; оно здесь, на столе. Я назначаю вам пять тысяч франков гонорара, если вам не удастся добиться успеха, и сто тысяч, если вы добьетесь его. После того, как я умру, нужно разыскать моего сына.

Она попросила меня помочь ей приподняться на постели, чтобы ей легче было говорить, а то она задыхалась, и голос ее прерывался и хрипел.

Я находился в очень богатом доме. Роскошная, но простая комната была обита плотным штофом, таким мягким на вид, что он, казалось, ласкал ваш взор, и настолько заглушавшим звуки, что слова как бы проникали в него и, растворяясь там, исчезали.

Умирающая продолжала:

– Вы первый человек, которому я поведаю свою страшную историю. Я постараюсь набраться сил, чтобы рассказать все до конца. Вам, которого я знаю как сердечного и в то же время светского человека, – вам я все открою, чтобы вы почувствовали искреннее

желание помочь мне, насколько это будет в ваших силах.

Так слушайте.

До замужества я любила одного молодого человека, но предложение его было отклонено моей семьей, потому что он был недостаточно богат. Немного спустя я вышла замуж за человека очень богатого. Я вышла за него по глупости, ради послушания, из робости, по легкомыслию – как часто выходят девушки.

У меня родился от него ребенок, сын. Несколько лет спустя муж мой умер.

Тот, кого я любила, тоже женился. Когда он узнал, что я овдовела, он стал страшно мучиться тем, что сам уже не свободен. Он пришел ко мне и так плакал и рыдал, что сердце мое готово было разорваться. Мы стали друзьями. Может быть, мне не следовало его принимать. Но что поделаешь? Я была одинока, так одинока, в такой печали, в таком отчаянии. И я по-прежнему любила его. Как страдаешь подчас!

Он один и был у меня на свете: родители мои тоже умерли. Он приходил часто и проводил подле меня целые вечера. Мне не надо было бы позволять ему посещать меня так часто, раз он был женат. Но у меня не было сил запретить ему это.

Что же еще сказать вам? Он стал моим любовником. Как это произошло? Не знаю. Как это случается вообще? Да и вообще можно ли на это дать ответ? Может ли, по-вашему, быть иначе, когда два человеческих существа влечет друг к другу неодолимая сила взаимной любви? Можно ли, по-вашему, сударь, вечно противиться, вечно бороться, вечно отказывать в том, о чем просит, умоляет на коленях, в слезах, с безумными словами, в порывах страсти человек, которого обожаешь, которого всегда хотелось бы видеть счастливым, хотелось бы одарить всеми возможными радостями и которого доводишь до отчаяния, повинувшись светским приличиям? Какая для этого нужна сила, какое отречение от счастья, какое самопожертвование! И какого эгоизма должна быть исполнена такая честность, не правда ли?

Словом, сударь, я стала его любовницей. И я была счастлива. Двенадцать лет я была счастлива. Я сделалась – и в этом главная моя ошибка и наибольшая низость – подругой его жены.

Мы с ним вместе растили моего сына, мы воспитывали из него

мужчину, настоящего мужчину, умного, рассудительного, с сильной волей, с благородными и широкими взглядами. Мальчику исполнилось семнадцать лет.

Он, сын, любил моего... моего друга почти так же, как я сама, потому что я и мой возлюбленный одинаково любили мальчика и окружали его заботами. Он звал моего любовника «добрым другом», бесконечно уважал его и, всегда получая от него только разумные советы и примеры прямоты, благородства и порядочности, считал его старинным, безупречным и преданным другом матери, как бы духовным отцом, наставником, покровителем.

У мальчика, наверно, никогда и не возникало никаких вопросов, так как он с младенческих лет привык видеть этого человека в нашем доме, рядом со мной, возле себя, видеть его беспрестанно занятым нами.

Однажды вечером мы должны были обедать втроем (это бывало для меня самым большим праздником), и я поджидала их, загадывая, который из них придет первым. Дверь отворилась; вошел мой старый друг. Я пошла ему навстречу, протянув руки; он поцеловал меня в губы долгим, счастливым поцелуем.

Вдруг какой-то шум, шорох, нечто почти неуловимое, таинственное ощущение постороннего присутствия заставило нас вздрогнуть и порывисто обернуться. Жан, мой сын, стоял позади весь бледный и смотрел на нас.

Это было мгновение сверхчеловеческого ужаса. Я отступила назад, простирая руки к ребенку как бы с мольбой. Но я уже не видела его. Он скрылся.

Мы стояли друг против друга, сраженные, онемевшие. Я опустилась в кресло; у меня было странное и властное желание бежать, уйти куда глаза глядят, сгинуть навсегда. Потом судорожные рыдания подступили к горлу, и я разрыдалась; спазмы сотрясали меня, душа разрывалась, все нервы были напряжены от сознания страшного, непоправимого несчастья и от невыносимого стыда, который охватывает материнское сердце в подобные минуты.

Он... стоял передо мною растерянный, не решаясь ни подойти, ни заговорить, ни коснуться меня из страха, что мальчик опять

войдет. Наконец он проговорил:

– Я пойду за ним... скажу ему... я ему объясню... Словом, мне надо его увидеть... чтобы он знал...

И он вышел.

Я ждала... я ждала вне себя; я вздрагивала от малейшего шороха, охваченная страхом; при каждом потрескивании дров в камине мною овладевало какое-то невыносимое, непередаваемое волнение.

Я ждала час, ждала два и чувствовала, как в сердце моем растет неведомый безумный ужас, такое отчаяние, что я не пожелала бы и самому тяжкому преступнику пережить десять таких минут. Где мой ребенок? Что он делает?

Около полуночи рассыльный принес записку от моего любовника. Я до сих пор помню ее наизусть:

«Вернулся ли ваш сын? Я его не нашел. Я жду внизу. Не хочу входить так поздно».

Я написала карандашом на том же листке:

«Жан не возвращался. Разыщите его».

И я просидела в кресле всю ночь, дожидаясь.

Я сходила с ума. Мне хотелось выть, бегать, кататься по полу. Но я не двигалась, все еще ожидая. Что же будет дальше? Я хотела предугадать, представить себе это. Но, несмотря на все усилия, несмотря на все душевные муки, я ничего не могла разглядеть в будущем.

Теперь я боялась, как бы они не встретились. Как поступят они? Как поступит сын? Страшная тревога, ужасные предположения терзали меня.

Вам ведь понятно это, не правда ли, сударь?

Горничная, ни о чем не осведомленная и ничего не понимавшая, беспрестанно входила ко мне, считая, вероятно, что я лишилась рассудка. Я отсылала ее словом или жестом. Доктор, которого она привела, застал меня в нервном припадке.

Меня уложили. У меня началось воспаление мозга.

Придя в себя после долгой болезни, я увидела у своей постели моего... любовника... одного. Я закричала: «А сын? Где мой сын?»

Он не отвечал. Я прошептала:

– Умер?... умер?... Покончил с собою?

Он ответил:

– Нет, нет, клянусь вам! Но нам не удалось его разыскать, несмотря на все мои усилия...

Тогда у меня вырвалось в порыве отчаяния, пожалуй, даже возмущения – ведь бывают такие непостижимые и безрассудные припадки злобы:

– Запрещаю вам приходить, запрещаю видеться со мной, пока вы его не разыщете. Уйдите!

Он вышел.

Я никогда больше не видела их, сударь, – ни того, ни другого, и я живу так уже двадцать лет.

Представляете ли вы себе это? Понимаете ли вы эту чудовищную муку, эту терзающую, беспрестанную боль материнского сердца, сердца женщины, это мучительное ожидание – без конца... без конца!..

Нет! Ему подходит конец: я умираю, не увидавшись с ними... ни с тем, ни с другим!

Мой друг писал мне ежедневно в течение всех двадцати лет; но я всегда отказывалась принять его, хотя бы на мгновение, потому что мне казалось, что если бы он пришел сюда – именно в эту минуту я снова увидела бы сына. Сын! Сын! Умер ли он? Жив ли? Где он скрывается? Быть может, там, за необъятными морями, в такой далекой стране, что даже имя ее мне неизвестно? Думает ли он обо мне? О, если б он знал! Как жестоки бывают дети! Понял ли он, на какую чудовищную муку обрек он меня, какому отчаянию, какой пытке до конца моих дней подверг он меня заживо, еще молодую, – меня, свою мать, которая любила его со всей страстностью материнской любви? Как это жестоко, не правда ли?

Скажите ему все это, сударь. Передайте ему мои последние слова:

– Дитя мое, милое, милое дитя, не будь так жесток к бедным человеческим существам. Жизнь и без того груба и беспощадна. Милое дитя, подумай о том, во что превратилось существование твоей матери, бедной твоей матери с того дня, как ты ее покинул. Милое дитя мое, прости ей и люби ее теперь, когда она умерла, ибо она претерпела самую страшную кару.

Она задыхалась, дрожа, словно говорила со своим сыном, стоящим

перед нею. Погода она добавила:

– Скажите ему еще, сударь, что я никогда больше не виделась... с тем.

Она опять умолкла, потом проговорила разбитым голосом:

– Оставьте меня теперь, пожалуйста. Я хотела бы умереть одна, раз их нет возле меня.

Мэтр Ле Брюман добавил:

– И я вышел, господа, плача, как дурак, так что мой кучер оборачивался, чтобы взглянуть на меня.

И подумать только, что вокруг нас ежедневно разыгрываются тысячи подобных драм!

– Я не нашел его... Не нашел этого... как хотите, а я скажу: этого... преступного сына.

* * *

Напечатано в «Голуа» 11 ноября 1883 года.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10.
Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958
Перевод Е.Гунст Некаýalar